

УДК 81'373.21+811.511.151

*Л. А. Климкова**Арзамасский филиал, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, г. Арзамас***МАРИЙСКИЙ ПЛАСТ В НИЖЕГОРОДСКОЙ ТОПОНИМИИ**

В статье рассматриваются марийские по происхождению единицы, бытующие в топонимии Нижегородской области и в микротопонимии ее Правобережья, Окско-Волжско-Сурского междуречья, причем на фоне разноязыковых онимов. Микротопонимия анализируется в том числе с позиций коммуникативной диалектологии, коммуникативной ономастики. Особое место занимает рассмотрение онимических единиц (топонимов – гидронимов, ойконимов; микротопонимов) внутри региональной, диалектной системы, то есть самими жителями соответствующих населенных пунктов, при сосредоточенности внимания на текстах-дискурсах как составной части микротопонимических комплексов. При этом этническая мотивация включает гипотетические оценки наименования – от самой обобщенной, типа: «нерусское» или «вроде (какое-то) нерусское» до более конкретной – «вроде (чай, наверное, поди) мордовское (татарское)», «мордовское или татарское». Этнически, исторически, демографически значимыми считаются внутрисистемные сведения, имеющие статус народной этимологии, аллюзий, вплоть до явных фантазий, поскольку они свидетельствуют в целом об осознании полиэтничности населения края в прошлом. Дается и территориальная оценка единиц марийского онимического пласта (тополексем, топоформантов) в виде самого общего указания регионов Нижегородской области: Левобережье – Правобережье. Речь идет также об этимологической поливерсионности при научном толковании происхождения топонимических единиц (через марийские и мордовские этимоны) и об этнической неконкретизированности мотивантов при обобщенных признаниях: «от финно-угорских...», «финно-угорское...». Делается вывод об объеме и значимости марийского (и марийско-мордовского) топонимического пласта, в том числе в Окско-Волжско-Сурском междуречье как историко-культурной зоне, свидетельствующего об историко-этнических, демографических процессах в регионе.

Ключевые слова: Нижегородская область, Левобережье, Правобережье, Окско-Волжско-Сурское междуречье, топонимия, гидронимия, ойконимия, микротопонимия, финно-угорские единицы, марийцы (черемисы), этнонимы, детерминативы, народная этимология, версия, марийский (микро)топонимический пласт

Цель нашей статьи состоит в том, чтобы представить единицы с марийскими или марийско-мордовскими структурными элементами, в том числе при этимологической поливерсионности, в нижегородской топонимии, основываясь на фактическом материале исследований Н. В. Морохина, Н. Д. Русинова, Л. Л. Трубе и др., при сопоставлении ими его рассмотрения с теми или иными точками зрения относительно территории бытования марийцев в Нижегородском крае, высказанными разными учеными, при этом этимологизация топонимов соотнесена с теориями известных финноугроведов.

Что касается микротопонимии Правобережья региона, Окско-Волжско-Сурского междуречья, то при ее анализе методами коммуникативной диалектологии и ономастики используется материал, зафиксированный в «Микротопонимическом словаре Нижегородской области (Окско-Волжско-Сурское междуречье)» [2].

Нижегородская область расположена в центре Восточно-Европейской (Русской) равнины. Река Волга делит ее на две отличающиеся в природном отношении части: лесное низинное Заволжье, Левобережье, и лесостепное возвышенное Правобережье, Окско-Волжско-Сурское междуречье. Географы, кроме этих зон, выделяют еще и центральную, приволжскую. Правобережье включает территорию Нижегородчины южнее Волги между реками Окой и Сурой (две зоны – центральную и южную) – 31 район согласно административно-территориальному делению области. Из них 25 районов входят в Арзамасский регион.

В целом Окско-Волжско-Сурское междуречье, имея в природных условиях общее с пограничными территориями и отличное от них, представляет собой особую природно-климатическую, географическую зону как часть историко-культурной зоны.

Северная и южная части Нижегородского края различны и в этническом плане. Заволжье этнически

представлено русскими и марийцами. Южная часть, Правобережье, является полиэтнической, многонациональной (русские, мордва, татары, чувашаи и другие народности).

Названный регион является сложным в историко-этническом отношении. [Обзор научной литературы по этому вопросу см.: 1, с. 6–10].

В течение нескольких тысячелетий до нашей эры в крае обитали финно-угорские племена. В результате в первом тысячелетии уже нашей эры здесь, по свидетельствам археологов, историков, лингвистов, проживали сложившиеся финно-угорские этносы: мордва (фактически на всей территории междуречья), мещера (на западе и северо-западе края, в Поочье ниже устья реки Клязьмы), мурома (в низовьях рек Оки и Тёши и в бассейне реки Сережи западнее верхней части бассейна реки Кудьмы), марийцы (черемисы; на севере края в бассейне рек Кудьмы, Озерки, ближе к устью Оки, и Сундовика, на востоке Правобережья; основное же место расселения их – север теперешней Нижегородской области, Поветлужье), предположительно, по топонимическим данным, – меря (междуречье Оки и Волги, Оки и Озерки), предполагаемые угры, предки венгров (в бассейне реки Пьяны). [См.: 4, с. 39–46, 51; ср.: 3, с. 10–16].

В последней четверти I тысячелетия н. э. началось и проникновение в край тюркских племен, волжско-камских булгар, волжских татар.

К VIII–X вв. относится начало освоения края, восточнее среднего и нижнего течения Оки, славянами, вятичами – с верховьев Оки, кривичами – с верховьев Волги. Славянизация Окско-Волжско-Сурского междуречья продолжилась и в последующие периоды. В целом несколько каналов, этапов колонизации Нижегородского Поволжья – стихийный, народный (VIII–X вв.), позднее княжеско-феодальный, военный, монастырский, старообрядческий и др. – в конечном счете создали в крае довольно пеструю этническую картину при преобладании русского населения.

Об этом свидетельствует и язык, в том числе онимическое пространство региона, в частности топонимическое. На фоне современных, преимущественно славянских, русских, онимических единиц функционируют мордовские (в основном эрзянские, мокшанских значительно меньше), тюркские. Заметен и марийский топонимический пласт, причем его единицы сосредоточены в Нижегородском Заволжье, Левобережье, и это естественно в свете сказанного выше об этнической картине края в прошлом. Здесь много гидронимов и ойконимов (как вторичных единиц) с детерми-

нативами *-нгер* (*-нер, -нерь, -гер, -га*) из марийского *энгер* ‘речка’, *-нур* ‘поле’.

Таковы, например: *Кугонер* (р., правый приток Шукшума, Тонш.), *Ветлуга* (р., левый приток Волги), *Ургá* (р., левый приток Суры), *Шаранга* (р., правый приток Усты, Шар.), *Луданга* (р., левый приток Ветлуги), *Тюньга* (р., левый приток Юронги, Воскр.), *Перенга* (р., левый приток Ветлуги, Воскр.), *Невага* (р., левый приток Кишмы, Павл.); *Улангерь* (д., Сем.), *Чентонер* (д., Тонш.), *Шуленер* (д., Шах.), *Письменер* (с. и д., Тонш.), *Оденер* (п., Тонш.), *Карканегер* (п., Тонш.) и др.; *Соснанур* (д., Тонш.), *Туманур* (д., Шар.), *Кушнур* (с., Шар.), *Колянур* (д., Шар.), *Кугланур* (с., Шар.) и другие. Преддетерминативные части таких онимов являются в большинстве случаев основами марийских апеллятивов – названий природных реалий. [См. перечисленные топонимы и др. в: 3; 4, с. 27–33].

В определенной, значительной, части ойконимов задействованы и основы языческих личных мужских имен. Например: *Пузеево* (д., Воскр.), от марийского мужского языческого имени *Пазей / Пасей*; *Танáйка* (д., Шар.), от марийского мужского имени *Танай*; *Таруниха* (д., Вет.), от марийского языческого мужского имени *Торон / Тарон*; *Типáйки* (д., Тон.), по преданию, первопоселенец – мариец *Типай*; *Тубанáевка* (с., Спас.), от марийского мужского языческого имени *Туванай* [3, с. 161, 184, 186, 188] и др.

Есть единицы, которые толкуются исследователями двояко, в версиях: и через марийские, и через мордовские этимоны, типа: *Шелокиш* (р., правый приток Кудьмы, Кст.): мордовское *шольнемс*, марийское *шолнекс* ‘шуметь, журчать, бурлить’, *Салавирь* (с., Нав.): эрзянские *салай* ‘похищение, кража’, *вирь* ‘лес’, марийские *салаиш* ‘косить’, *вер* ‘место’; *Пёртово* (д., Вач.), название финно-угорское, восходит к корню *-перт-*, означающего в марийском – «дом», в эрзянском – «огороженное место»; *Пу́мра* (д., Бор.), название финно-угорское: от марийского *пу* – «дерево» и *мар* «мари, человек» или от эрзянского *помра* ‘лесное урочище’; *Пыдрéй* (д., Сем.), от марийского языческого мужского имени *Бадр*, также название возводится к эрзянскому *педлей* ‘пиявка’ и марийскому *түя* ‘пруд’ и *тур* ‘берег’ [3, с. 153, 161, 162, 169, 204]. Ср. версию внутриязыковую: *Отары*: Большие Отары, с. Малые Отары (д., Воскр.), возможно, это патронимы, от марийского мужского языческого имени *Отар*. Известно и другое объяснение – от слова *отара* – «толпа, ватага»: многолюдное село. В марийском

известно диалектное слово *отар* 'выселок, пасека' [3, с. 147].

Существование таких номинаций дало основание исследователям признать в нижегородской топонимии наличие марийско-мордовского культурно-исторического пласта в соответствии с проживанием, в частности марийцев, с первых веков новой эры в заволжской части области и на востоке волжского Правобережья [см.: 3, с. 11].

Преддетерминативные части таких единиц характеризуются и обобщенно как финно-угорские этимоны при марийских формантах: *Сенга* (р. Кр.-Окт.), от финно-угорского *сен* 'ложбина, заливаемая водой' и марийского гидроформанта *-га* 'река'; *Серга* (р., левый приток Узолы, Ков.), от финно-угорского корня *сьор* «лес» и марийского гидроформанта *-га*, обозначающего реку. Возможна и связь с индоевропейским корнем *-сор-* / *-сер-* / *-ср-* «течь, струиться» [3, с. 174] и другими.

Для нижегородской топонимии характерен синкретизм и другого рода – финно-угорский (в том числе и марийский) и русский, представлен он единицами с русскими (славянскими) формантами *-ов(о)*, *-ин(о)*, *-к(а)*, *их(а)*, *-ье* и др. и финно-угорскими (обобщенно или конкретизированно: мордовские, марийские) предформантными частями основ, например: *Пертово*, *Нершево*, *Вашеево*, *Вашикино*, *Мамакино*, *Китанино*, *Ковязино*, *Руйка*, *Рудка*, *Туранка*, *Идомка*, *Тубанаевка*, *Чемашиха*, *Шаманиха*, *Пурешиха*, *Мураиха*, *Разнежье* и мн. др. [3]. Все эти и подобные онимы русские по образованию, хотя и от основ иноязычных, нерусских, финно-угорских, слов как свидетельство совместного проживания этносов, их взаимодействия.

Некоторые исследователи уже само конечное *-а* в неславянских названиях, в частности рек, на *-ма*, *-га*, *-ша*, *-да*, *-та*, *-ла* и т. д. считают результатом их адаптации на русской почве, славянизации (Я. Калима, А. П. Дульзон и др.; ср.: А. И. Соболевский, Я. К. Грот, М. П. Веске, С. К. Кузнецов, С. М. Середонин, Н. В. Подольская и др.). [5, с. 90]. Ср. признание: «Большинство топонимов Пинежья (как, впрочем, и на всем Севере) имеет окончание *-а*; неславянские топонимы оформлены как слова женского рода, включены в систему русского склонения а-основ в полном соответствии с нарицательным словом «река», «деревня» [там же, с. 89]. Думается, это признание приемлемо, актуально для подобных единиц и в нашем топонимическом пространстве. Существует, однако, другое мнение: единицы с названными формантами, как и другими, представляющими собой сочета-

ния согласного с конечным *а*, являются по своему характеру индоевропейскими, из языка индоевропейцев-дославян, обитавших в крае до финно-угров, до III-го тысячелетия до н. э. [4, с. 55–95, с отсылками к трудам известных историков русского языка, ономастологов и с опорой на них].

Единицы с марийскими (или марийско-мордовскими) структурными элементами концентрированно представлены, как мы уже сказали, в Левобережье, причем во всем, а не только в районах, близких к Республике Марий Эл. Есть они на востоке и северо-востоке Правобережья: в Кст. (д. *Новая Пунерь*, д. *Абатурово*, п. *Байборы*, р. *Шелокиша*), Лыск. (д. *Монари*, п. *Очаиха*, с. *Кириково*, р. *Сундовик*, д. *Валава*), Д.-Конст. (д. *Старая Пунерь*, с. *Маргуши*, д. *Чанниково*), Спас. (с. *Тубанаевка*, с. *Вазьянка*, р. *Урынга*, р. *Урга*), Б.-Мур. (д. *Окинино*, р. *Сундовик*), а также в других районах: Серг. (р. *Юнга*), Бут. (р. *Вилиза*), Воз. (р. *Ульчадьма*, *Сарма*), Кр.-Окт. (р. *Сенга*), Нав. (д. и п. *Валтово*, с. *Салавирь*), Вач. (д. *Валтырево*, *Вастрома*, *Нершево*), Павл. (г. *Ворсма*), Сосн. (д. *Каргаи*, *Каргашино*, *Сурулово*), Бог. (д. *Лакиа*), хотя эти единицы, кроме нескольких из названных, Н. Д. Русинов отнес к словам с основами «муромского языка, близко родственного марийскому и мордовским» [4, с. 42], при этом этимология ряда единиц, функционирующих на территории предполагаемого им проживания муромы и толкуемых исследователями через марийские этимоны, им не рассматривается: р. п. *Вача*, р. *Шерша*, с. *Жайск*, д. *Пертово* (Вач.), р. *Невага* (Павл.), д. *Казыевка* (Сосн.) и др.

Единицы с интересующими нас структурными элементами функционируют и в микротопонимии Правобережья, Окско-Волжско-Сурского междуречья. Прежде всего показательны здесь отэтнонимные единицы как сигналы проживания на определенной территории того или иного этноса, причем по закону относительной топонимической негативности (по В. А. Никонову). В регионе много единиц, включающих в себя основы этнонимов *мордва*, *мокша*, *чуваши*, *татары*, *цыгане*, нет с *марийцы*, мало – с основой этнонима *черемис(ы)* [см.: 1, с. 241–268]. Более того, можно сказать, что они (в пределах зафиксированного в нашем словаре материала [2]), единичны: *Черемисская дорога*. *На Черемисско озеро она ведет*; *Черемисское озеро*. *Черемисами ведь марийцев зовут, а оно недалеко от марийцев-ти* (Красный Ватрас Спас.). Исследователями приводятся еще некоторые топонимы такого типа: *Черемиска* (р., правый приток рек Велуги, Вола,

Темты, Варн. Ветл. Ур. Деревня Ветл. Село. Лыск.); **Черемисское** (д., Кст.); **Черемисково** (д., Сок.), а также другие названия этого типа [4, с. 31]. Однако эти топонимы функционируют в Заволжье (Левобережье).

Исходя из признания микротопонимического комплекса как единицы микротопонимического пространства, включающей в себя в том числе текст-дискурс, который демонстрирует взгляд на ту или иную единицу изнутри системы, мы и сосредоточиваем свое внимание именно на этой части комплекса, приводя при необходимости научную этимологию как сигнал воззрения исследователей на происхождение единицы, то есть извне системы. Так, например, в Арзамасском крае есть две тезоименные единицы **Черемас**: **Черемас**. Ключ. *Около ключа жили мордва, чувашня, черемисы, русски. А Черемас – эт тако племя, по им вот и назвали, по черемасам.* (Мотовилово Арз.); **Черемас**. Поселок. *Есь ручеек Черемасик, Черемас, больно вода холо́дна в им. Поэтому, наверно, Черемас: по ручейку зовут и поселок. – Черемас – потому што раньше населяли племена черемисы из Поволжья.* (Черемас Арз.). Обе единицы, при осознании первичности одной (микродриона) и вторичности другой (ойконима), соотносятся с этнонимом.

Исследователи вскрывают иную этимологию этого именованья, в частности микродриона, считая его патронимом: от мордовского языческого мужского имени **Черемас** «красивый парень» [3, с. 198], от чувашского языческого имени с формантом **-мас** [4, с. 104–105; вслед за Г. Е. Корниловым].

Однако, думается, то, что до сих пор живо в памяти жителей региона, в их сознании (и, может быть, в подсознании) как переданное от предков, бесценно, пусть эти сведения имеют статус народной этимологии. Они тоже памятники истории, отражают в определенной степени, хотя и своеобразно, факт бытования этноса (или представителей этноса), в нашем случае марийского.

По большому счету нельзя отмахиваться и от явных фантазий информантов (ср. мнение М. В. Горбаневского, Т. В. Бульгиной и А. Д. Шмелева), в том числе на этническую, демографическую тему, типа: **Ива́ш**. **Ива́шка** Ручей. *Здесь раньше проживали ма́и и мардва. Может, связано с именами? Ма́и-то? Да народ такой.* (Яново Серг.); **Иса́дное**. Озеро. *Тут какэ-то жили исады, народ такой.* (Деяново Пильн.); **Казарка**. Лес. Озеро. *Там казары жили, народ беднай, потому и прозвали Казаркой.* (Чернуха. Арз.); **Мишано́е бо-**

лото. *Болото тако́, а што так, не знаю. Может мешиане какі жили. Точно не скажу.* (Бебязево Арз.) [см.: 1, с. 264]. В таких дискурсивных частях микротопонимических комплексов некоторые единицы содержат намеки на подлинные этнонимы (единицы-аллюзии): **маи** (мари(йцы), меря), **казары** (хазары), **мешиане** (мещера, мишари) и др. Здесь важен сам факт осознания, признания, сохранности в сознании информантов полиэтничности населения края в прошлом.

Чаще же всего в текстах-дискурсе содержится оценка наименования как нерусского, мордовского. Во многих случаях информанты вообще отказываются от мотивации микротопонимов в том числе и этнической, языковой. Покажем это на некоторых единицах, функционирующих в диалектных микросистемах Окско-Волжско-Сурского междуречья: **Шалакшей**. Место в лесу. Овраг. *Шалакшей есь. Эт место в лесу. Дом там. Раньше полешыики, объешыики жили. – Шалакшей – эт овраг, такой неглубокай, вода в ём, а как уйдёт, дак сено там косят. Да, како-то нерусско названье-то. Можя, мордовско: тут, говорят, морда жила коли-то. А можя, и татарско: чай, татары-та тоже были в роде. А точно рай кто топерь скажет.* (Саконь Ард.); **Шилокша**. Река, приток реки Теши. Деревня. *Сёло у нас нацало́ строиться по реке Шилокша. Поэтому так и назвали сёло-то. А рецку цо так зоут, я не знаю. Как старики назвали, так и зовём сроду так. Можат, и нерусско како́.* (Шилокша Кул.). [Ср.: д. Шилокшей, р. Шилоша, р. Шелокша – названия финно-угорские, морд. *шольнемс*, мар. *шолнекс* ‘шуметь, журчать, бурлить’ – 4, с. 204]; **Шалда́шка** Лес. *Вы бы в Шалдашку сходили, там ягод очень много. Ну, Шалдашка и Шалдашка. А что так – не магу сказать.* **Ше(а)лдаку́шки** Лес. *Не знай, пачему так назвали, исстари так завут Шалдакушки. – Шелдакушки-ти? Можя, и не наше имя-то, како-нето мордовско ай татарско.* (Корино Шатк.). [Ср.: д. Шалдеж, Шалдежка – вероятно, от мар. *шолташ* ‘гнать смолу’ – 4, с. 202]; **Шинга́ры**. Овраг. *Вон Шингары-то за клубом. Не знай, что так. – А Шингары почему, эт я не знаю. Чай, миленьк, сё исстари идёт, и нам досталось.* (Дубенское Вад.). [Ср.: мар. *шынгырташ* «скворец» из чувашского *шя́нкáртáш* ‘скворец’ – 4, с. 156]; **Ша(е)мані́ха**. Лес. *На Шаманиху сё ходили за грибами. Она недалеко от сёла-ти. А что зовут, не скажу. Зовут и зовут. Не нами названо. Похоже, какá-нето Шеманиха была. А уж хто она была – бох знат.* (Селякино Арз.); **Шамані́ха** Поле. *Зовут и зовут, а я почём знаю, что*

так. (Белозерье Арз.). [Ср. д. Шамáниха, от мар. языческого мужского имени Шамай / Шаманей – 3, с. 202]; **Пундюшка**. Место в лесу. Почему так зовут, не знаю. Пундюшка и Пундюшка. Там лес рубили. (Кужендеево Ард.). [Ср.: марийский корень со значением «дно» – 6]; возможно, этот же этимон просматривается в микропониме (как вторичной единице по характеру объекта): **Пондарка** Часть леса. За Длинным порядком лес есть. Пондаркой называется, а што так называется – не знай. (Силинский Майдан Шатк.); **Пунёрь** Река. Деревня. Старая Пунёрь. Она у речки стоит, вот и Пунёрь. Не знай, что так. Мож, мордва назвала. Я слыхала, старики говорили, она тут сплошь была. (Старая Пунёрь Д.-Конст.). [Ср.: мар. пу ‘дерево, лес’ и энгер ‘река’ – 6; эрзянское пуна ‘рябчик’ и нерь ‘клюв’, ‘клюв рябчика’ – 4, с. 161]; **Ургá**. Река, приток р. Суры. Привыкли, так и говорим, а что так – не знай. И у стариков-то не спрашивали. (Высокий Оселок Спас.); **Урангá**. Река Урынга, приток Урги. Поле. Там река Урангá тэкла, чрез это поле. Не знай, что она Урангá. (Сосновка Серг.). [Ср.: от мар. ур ‘белка’ и гидроформанта – га от энгер ‘река’ – 3, с. 192; 4, с. 161–162; ср.: 6]; **Пóмра Пóмора** Лес. Пóморой тут лес называют, теперь кладбище там. Этот же лесок в Малиновке называют Ключищи. – Рядом могилы были, вот и назвали Пóмра. (Юсупово Ард.). Во втором высказывании микропоним соотносится с русским словом *помереть*. При взгляде извне соотношение иное: по данным сводного «Словаря русских народных говоров» (вып. 29), нарицательное *пóмра* имеет значение «небольшое чернолесье»; *пóмора* бытует в симбирских, пензенских говорах; *помóра* – в пензенских, хотя есть и омоним-полисемант *помóра*, одно из значений которого – «повальная болезнь, эпидемия» (с семантическими оттенками «большая смертность», «гибель») в псковских, тверских, забайкальских говорах. [Ср. этимоны: мар. пу «дерево» и мар «мари, человек» – 6; эрз. *помра* «чернолесье, лесное урочище» – 3, с. 158]. Ср.: Пумра – деревня в Борском районе.

Микропонимы с этой основой, часто трансформированной, обозначают объекты и другого характера. Таковы: **Помóра** Пруд. *Што так-ту зовут – рай я знаю. У нас в Поморе-то рыба вся передохла, а раньше хороша рыба там водилась.* (Лопатино Серг.); **Пóмора** Болото. *Да хто иво знат, что Поморой зовут.* (Путятино Шатк.); **Пóморки**. Лес. *Не знай, што так. – За орехами в Поморки не ходили.* (Маресево Поч.); **Пóморы** Овраг. *Пóморы – вершина. Старики назвали.*

Не знай, што так. В Первых Пóморах братска могила. Есь Втары, Третьи, Четвёрты Пóморы. Ане на парядку идут. (Круглые Паны Див.); **Пóморы Медовые Поморы**. Овраг. *Вершина есь Поморы. Медовые Поморы: пцолы мёд там сабирают. Луга, косят. Разок улы привезли из Сарова.* (Суворово Див.); **Пóмора** Луг. *Вцера на Пумору ходили, луг такой у нас есь. Его все так зовут, не знай поцему.* (Мухтолово Ард.); **Пóморка** Местность. *Пóморка – меснось така, там волки водились, кустарник зароишай.* (Личадеево Ард.); **Помáра** Ручей. *Помара-то щас вся пересохла. Зовут-то? Да я рай знаю. Мож, от мордвов осталось. Здесь ведь сплошь мордва жила.* (Вазьян Вад.). [См., в том числе и др. единицы, в: 2].

Таким образом, одним из показателей места марийских элементов в микропонимии Окско-Волжско-Сурского междуречья – частным, но существенным – являются свидетельства (верее, применительно к марийским единицам отсутствие таковых) носителей диалектных микросистем относительно признаний языкового характера единиц. Информанты скажут: «како́-то названье-то, чай, мордовско» или «чай, татарско», «нерусско названье, тут мордва сроду жила» и под. Такие признания – рефрен. Но не зафиксирована оценка «марийско(е) название». Это значит, что в памяти, в языковом сознании жителей региона, тем самым в памяти системы не сохранился этот этнический пласт, ведущий в глубь веков, когда в крае жили марийцы (черемисы) или, мягче, сохранился не столь отчетливо, как, например, мордовский и тюркский, или этот пласт не дифференцируется, мыслится как мордовский.

Кроме того, марийских детерминативов гораздо меньше, чем, например, мордовских, причем один из них – энгер ‘речка’ – значительно трансформирован. При этом марийские детерминативы не имеют той кратности, которой отличаются, например, мордовские, в частности *-лей, -ляй, -куша, -гуши*. Показателен также тот факт, что среди микропонимов с марийскими элементами мало с патронимными производящими основами.

В целом использование этимологического метода позволяет выявить марийские элементы в том числе в микропонимическом пространстве. Сам факт существования в Правобережье, в Окско-Волжско-Сурском междуречье, марийских по происхождению единиц, думается, подтверждает мысль Л. Л. Трубе о том, что марийцы изначально жили не только в левобережной, но и во всей правобережной части Нижегородского Поволжья [см.: 6; ср., однако: 4, с. 31–33].

В то же время следует признать, что единицы, созданные на основе марийских лексем, в микропонимии нашего региона занимают весьма скромное место, по сравнению, скажем, с мордовскими единицами. И это естественно, так как основное место обитания марийцев – Нижегородское Заволжье. И тем не менее, вопреки скептическому отношению к микропонимам и их исторической значимости со стороны некоторых исследователей, мы считаем, что они важны как один из дополнительных источников, свидетельств историко-этнического характера.

Сокращения названий районов Нижегородской области

Ард. – Ардатовский;
 Арз. – Арзамасский;
 Бог. – Богородский;
 Б.-Болд. – Большеболдинский;
 Б.-Мур. – Большемурашкинский;
 Бор. – Борский;
 Бут. – Бутурлинский;
 Вад. – Вадский;
 Варн. – Варнавинский;
 Вач. – Вачский;
 Ветл. – Ветлужский;
 Воз. – Вознесенский;
 Воскр. – Воскресенский;
 Д.-Конст. – Дальнеконстантиновский;
 Див. – Дивеевский;
 Ков. – Ковернинский;
 Кр.-Окт. – Краснооктябрьский;
 Кст. – Кстовский;
 Кул. – Кулебакский;

Лыск. – Лысковский;
 Нав. – Навашинский;
 Павл. – Павловский;
 Поч. – Починковский;
 Сем. – Семеновский;
 Серг. – Сергачский;
 Сок. – Сокольский;
 Сосн. – Сосновский;
 Спас. – Спасский;
 Тонк. – Тонкинский;
 Тонш. – Тоншаевский;
 Ур. – Уренский;
 Шар. – Шарангский;
 Шатк. – Шатковский;
 Шах. – Шахунский.

1. Климкова Л. А. Нижегородская микропонимия в языковой картине мира: монография. Арзамас: АГПИ, 2007. 394 с.
2. Климкова Л. А. Микропонимический словарь Нижегородской области (Окско-Волжско-Сурское междуречье): в 3-х ч. Арзамас: АГПИ, 2006. 1145 с.
3. Морохин Н. В. Нижегородский топонимический словарь. Нижний Новгород: КиТиздат, 1997. 216 с.
4. Русинов Н. Д. Этническое прошлое Нижегородского Поволжья в свете лингвистики. Н. Новгород: Нижний Новгород, 1994. 202 с.
5. Сими́на Г. Я. Дославянская топонимия Пинежья // Вопросы географии. Сборник пятьдесят восьмой: Географические названия. М.: Географгиз, 1962. С. 85–99.
6. Трубе Л. Л. Как возникли географические названия Горьковской области. Горький: Горьковское кн. изд-во, 1962. 192 с.

Статья поступила в редакцию 11.04.2016 г.

|| **Для цитирования:** Климкова Л. А. Марийский пласт в Нижегородской топонимии // Вестник Марийского государственного университета. 2016. № 3 (23). С. 89–95.

Об авторе

Климкова Людмила Алексеевна, доктор филологических наук, профессор, Арзамасский филиал, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, г. Арзамас, *dialekt_arz@mail.ru*

L. A. Klimkova

Arzamas Branch, Russian Language and Literature Department,
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Arzamas

MARI LEXICAL LAYER IN THE TOPONYMY OF THE NIZHNY NOVGOROD REGION

The article discusses the units of Mari origin in the toponymy of the Nizhny Nivgorod region and in the microtoponymy of the right bank, Oka-Volga-Sura interfluve area, alongside multilingual proper names. Microtoponymy is also analyzed from the perspective of communicative dialectology and communicative onomastics. Special attention is paid to analyzing onymic items (toponyms: hydronyms, place-names; micro-toponyms) from the point of view of regional and dialectic systems, i. e. by the reinhabitants of the regions, focusing on discourse texts as component parts of micro-toponymic complexes. Ethnic motivation, in its turn, involves hypothetical assessment of names – starting from the most generalized, such as: “non-Russian” or “vrode (“some”) non-Russian”, to a more concrete one – “vrode (“chay”, “navernoje”, “podi” (meaning “may be”) Mordovian (Tatar)”, “Mordovian or Tatar”. Internal information with the status of folk etymology, allusions, up to clear fantasies, are considered to be ethnically, historically and demographically significant, since they generally express the awareness of multiethnic population of the region in the past. The territorial assessment of Mari onymic lexical layer units (topolexems, topoformants) as general indication of Nizhny Novgorod region areas: “Levoberezhye” (left bank area) – “Pravoberezhye” (right bank area) is pointed out. Etymological multi-versioning (outside the system) in scientific interpretation of the origin of toponymic units is also touched upon (with Mari and Mordovian etyma) and with generalized ethnic explanations like “derived from Finno-Ugrian...”, “of Finno-Ugrian origin...”. The conclusion is about the size and importance of Mari (and Mari-Mordovian) toponymic layer including in the historical and cultural area of Oka-Volga-Sura interfluve, which is indicative of historic, ethnic and demographic processes in the region.

Keywords: Nizhegorodsky region, Nizhny Nivgorod region, left bank, right bank, Oka-Volga-Sura interfluve area, toponymy, hydronymy, place-names, microtoponymy, Finno-Ugrian units, Mari (Cheremis), ethnicons, determiners, folk etymology, interpretation, Mari (micro)toponymic layer

1. Klimkova L. A. Nizhegorodskaja mikrotoponimija v jazykovoj kartine mira: monografija [Micro-toponymy of the Nizhny Nivgorod region in the linguistic view of the world]. Arzamas: AGPI, 2007, 394 p.

2. Klimkova L. A. Mikrotoponimicheskij slovar' Nizhegorodskoj oblasti (Oksko-Volzsko-Surskoe mezhdurech'e) [Micro-toponymic dictionary of the Nizhny Nivgorod region (the Oka-Volga-Sura interfluve area)]: v 3-h ch. Arzamas: AGPI, 2006, 1145 p.

3. Morohin N. V. Nizhegorodskij toponimicheskij slovar' [Nizhny Novgorod toponymic dictionary]. Nizhnij Novgorod: KiTizdat, 1997, 216 p.

4. Rusinov N. D. Jetnicheskoe proshloe Nizhegorodskogo Povolzh'ja v svete lingvistiki [Ethnic past of Nizhny Novgorod Volga region in the sphere of linguistics]. N. Novgorod: Nizhnij Novgorod, 1994, 202 p.

5. Simina G. Ja. Doslavjanskaja toponimija Pinezh'ja [Pre-Slavic toponymy of the Pinega]. *Voprosy geografii. Sbornik pjat'desjat vos'moj: Geograficheskie nazvanija* = Geography issues. M.: Geografiz, 1962. S. 85–99.

6. Trube L. L. Kak vznikli geograficheskie nazvanija Gor'kovskoj oblasti [Origin of Gor'kov region geographical names]. Gor'kij: Gor'kovskoe kn. izd-vo, 1962, 192 p.

Submitted 11.04.2016.

Citation for an article: Klimkova L. A. Mari lexical layer in the toponymy of the Nizhny Novgorod region. *Vestnik of the Mari State University*. 2016, no. 3 (23), pp. 89–95.

About the autor

Klimkova Lyudmila Alekseevna, PhD in Philology, Professor, Arzamas Branch, Russian Language and Literature Department, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Arzamas, dialekt_arz@mail.ru